

—Ну, а теперь о событиях, которые происходили в течение времени, охваченного этими четырьмя письмами, то есть в течение первого полугодия 1977 года.

Из сохраняемого мною на работе архива деловых бумаг следует, что в феврале 1977 года Костя Латышев уже числился старшим преподавателем кафедры математического анализа, оставаясь при этом ответственным исполнителем "Клёна-6". Раньше, работая в НИСе, Костя выбил у Гострема для себя максимально возможный оклад на должности неостепенённого старшего научного сотрудника - 200 рублей. Теперь он получал 300 р. как старший преподаватель плюс 100 р. за совместительство в НИСе, то есть зарплата его удвоилась, и он на сотню перегнал меня, своего недавнего научного руководителя.

Гострем теперь над ним не висел (он уже был почти изгнан из университета, но ещё цеплялся за НИС и судился с ректором). Кафедру матанализа возглавлял совершенно безобидный человек, некто Корсаков, кандидат наук, предельно допустимый срок правления которого скоро истекал, и у Кости просматривались неплохие перспективы занять его место. Осуществилось то, к чему он стремился - твёрдая преподавательская ставка плюс совместительство плюс независимость от Гострема да и от кого-либо другого (разве что от меня он ещё в какой-то степени зависел как от слишком требовательного заказчика) плюс хорошие шансы в будущем на место завкафедрой и на прибавку ещё сотни к жалованию.

Тем не менее он не выглядел человеком с приподнятым тонусом, довольным жизнью. Костя жаловался на преподавательскую нагрузку, отвлекающую от научной работы, на то, что никак не удаётся рассчитаться с долгами, по-прежнему скрываемыми от жены, поскольку доходы от неё не скроешь, она всю зарплату изымает, и основную, и совместительскую, а заначку сделать не с чего, разве что с премии, так её ж редко дают. По-прежнему Костя стрелял то у приятелей, а то и у подчинённых ему нисовцев то рубль, то три на пиво или что покрепче.

От геофизической науки, от наших забот, связанных с "Тоннелем", он отдалялся всё больше и больше, оправдываясь занятостью преподаванием. Моим надеждам на то, что Костя возглавит в университете коллектив, развивающий численные методы моделирования, похоже, не было суждено осуществиться. Костя руководил фактически одним Бобарыкиным, и дело у них двоих почти не двигалось. Медведев со своей Д-областью ориентировался теперь на Мишу Власова как научного руководителя. Захаров, Смертин, Суроткин продолжали работать непосредственно со мной, Лена Захарова - с Сашулей, а новые люди не появлялись, не было ставок.

Договорных денег еле хватало, чтобы обеспечить зарплатой тех, кто давно уже работал на теме, включая и не слишком-то полезных, а таких было много, особенно в епархиях Саенко, Иванова, Лаговского. Часть людей, правда, связанных с ЭВМ и курируемых Лаговским, удалось перевести в Вычислительный Центр Облстатуправления, с которым обсерватория заключила договор на обслуживание нашей ЭВМ, и это обслуживание осуществляли теперь наши же лаборанты-операторы, жившие в Ладушкине, но числившиеся теперь в статуправлении.

В марте был создан научно-координационный совет, в который вошли представители заказчика (обсерватории) Иванов, Саенко, Лаговский и я и исполнителя (университета) Ермоленко, Латышев и Юсупов. Председателем НКС избрали меня. Задачей НКС по существу являлось разрешение спорных ситуаций в оценке хода совместных работ с тем, чтобы избегать конфликтов при сдаче-приёмке этапов работ, которые стали возникать в последнее время.

При Гостреме, когда он правил и там, и там, то есть и в КГУ, и в КМИО, сдачи-приёмки если и проводились вообще, то сугубо формально и сводились к проставлению подписей на соответствующих бумажках - отчётах и актах. Я первым, а вслед за мной и

Иванов стали пытаться использовать процедуру подписания акта приёма в качестве рычага давления на исполнителей в борьбе за качество выполняемых ими работ. Такое давление приходилось оказывать прежде всего на Костю, теперь уже отнюдь не так рьяно, как прежде, выполнявшего мои указания по ходу работ - сами, мол, теперь с усами! Я видел в этом просто халатность, нежелание работать, пытался взывать к совести, предупреждал, угрожал - не помогало, а вот когда один раз отказался подписывать акт задним числом (отчёт не был готов вовремя), то сразу почувствовал эффективность такого способа воздействия.

— Кубаровский строго спрашивал вовремя подписанные акты, без них мог и зарплату задержать, и премию урезать, и Кубаровского Костя боялся! Не помог ему тогда и коньячок, который он приносил в кирху дабы умиловить меня. Наши отношения это, конечно, не улучшило, но порядка с отчётностью я таким образом всё же добился. Для разбора таких вот конфликтов и был создан НКС, активно функционировавший, впрочем, недолго.

— В начале апреля пришла рецензия из польского геофизического журнала "Акта Геофизика Полоника" (АГП) на нашу статью, посланную в этот журнал ещё летом прошлого года. Инициатором этого мероприятия явился Кореньков. Ещё будучи студентом он познакомился с полячкой Ренатой Дмовской или просто Ренаткой, как он её называл, тоже альпинисткой, вместе ходили в горы, потом переписывались, по её приглашению Юра ездил в Польшу, переписываются они и сейчас, когда Ренатка уже несколько лет как живёт в Штатах и, похоже, возвращаться в Польшу не собирается. Юре она регулярно присылает старые номера: "Нэйшенел Джиографик", которые я, бывая у него дома, с огромным удовольствием листаю, разглядывая прекрасные цветные фотографии. Ренатка - геофизик, сейсмолог, и тогда она ещё жила и работала в Варшаве, будучи дамой, известной в научных кругах, судя по тому, что она запросто спротезировала нам публикацию нашей статьи на английском языке в АГП по просьбе Коренькова. То есть она подготовила там почву, договорилась с редактором АГП Анджеем Верником, а уж статью мы отправили по официальным каналам, через ИЗМИРАН.

— Авторами статьи, названной "Динамическая модель ионосферы для интервала высот от 100 до 1000 км", явились я, Латышев, Кореньков и Захаров. Текст писал и переводил на английский я, консультируясь с Людой Лебле. В статье достаточно подробно излагалась постановка задачи моделирования среднеширотной ионосферы, реализованная нашей группой (то, что мы в своё время посылали в "Геомагнетизм и аэрномию", и что отверг рецензент - Борис Евгеньевич Брюнелли по причине отсутствия результатов расчётов) и приводились основные результаты расчётов для спокойных условий (как раз то, чего не хватало, на взгляд Б.Е.).

— До сих пор постановка задачи нигде толком в публикациях описана не была, исключая разве что препринт ИЗМИРАН 1972 года. С тех пор модель претерпела ряд изменений, а описать её, как она выглядит в новом виде, всё не удавалось - сплошным потоком шли результаты расчётов, которые надо было публиковать, и которые сами по себе с их интерпретацией занимали все объёмы статей. Возможность опубликовать и постановку задачи, и основные результаты на английском языке, хотя бы и всего лишь в польском журнале, не следовало упускать, и мы не поленились оформить всё надлежащим образом, то есть заполнить кучу бланков и написать массу всяких бумажек для нашей цензуры.

— Занимались этим я и Кореньков. Лёнька и Костя только подписи свои где надо ставили, в написании статьи они тоже не участвовали, просто пожинали теперь плоды нашего бывшего сотрудничества, которое, впрочем, с Лёнькой ещё продолжалось. С Костей же это была наша последняя совместная статья.

— И вот пришла рецензия на нашу статью в сопровождении извинительной записки

редактора, пояснявшей, что задержка произошла не по вине редакции. Судя по всему, рецензировал нашу работу не поляк, а кто-то из американцев (АГП практиковала использование зарубежных рецензентов). Рецензия была очень квалифицированной, внимательной (от взгляда рецензента не ушла ни одна опечатка или описка) и доброжелательной, хотя ряд критических замечаний и был высказан. Учесть их не составило нам особого труда, и вскоре мы отправили статью с исправлениями обратно в АГП, где она и вышла в свет в конце этого, 1977 года.

[\(продолжение следует\)](#)

[Главная страница](#)

[Путеводитель по "Запискам рыболова-любителя"](#)